

В.Н. Порус

Выводится ли политическая субъектность науки из фактов?

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, руководитель проекта, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2; e-mail: vnporus@hse.ru

Политическая субъектность науки рассматривается как тема философии науки. Политическая активность научных структур слабо выражена в обществах, находящихся на депрессивном уровне политической культуры, когда участие ученых в политике имеет спорадический и зависимый характер. Но в модусе долженствования философия науки рассматривает политическую субъектность науки как реализацию ее потенциала. Само это рассмотрение оказывает влияние на рост политической активности науки. Философия науки является «системой с рефлексией», в смысле М.А. Розова. Представления о политической реальности и потенциале политических субъектов, формируемые философией науки, оказывают влияние на формирование этой реальности и реализацию субъектного потенциала науки.

Ключевые слова: наука, философия науки, политический субъект, политическая реальность, политическая культура, «система с рефлексией»

Является ли «политическая субъектность науки» темой «философии науки»? Что до «философии науки», то ее содержание сегодня высоко дифференцировано: от исследований структуры научного знания и динамики его роста до проблем социокультурной детерминации научных «парадигм» или стиля научного мышления, от методологии междисциплинарных исследований до институциональной организации науки, от этических проблем в научных корпорациях до отношений науки и образования, науки и техники, науки и экономики [Порус, 2009, с. 92–96]. Поэтому включение проблемы «политической субъектности» в сферу философии науки как будто не должно вызывать возражений.

Включить-то, конечно, можно, но что потом делать с этой проблемой? По-настоящему, что не все разделы современной философии науки могут принять одинаковое участие в ее обсуждении и, тем более, решении. К такому участию более расположены разделы, которые связаны с социальными, институциональными и экономическими аспектами науки.

Если под политической субъектностью понимать прямое или косвенное влияние на обсуждение и принятие политических решений, то надо признать, что наука в современном обществе такое влияние в ряде случаев реально оказывает, чему есть немало примеров. Впрочем, другие примеры говорят против этого утверждения (скажем, когда усилия некоторых экспертных центров предотвратить недалековидные и опасные по своим возможным последствиям политические решения оказываются тщетными или попросту невозможными). Почему научные структуры иногда успешно выступают в роли политического субъекта, а в других ситуациях так не получается – вопрос, имеющий для философии науки несомненное значение.

Наука не представляет собой целостности, объединенной универсальными целями, ценностями, интересами, принципами и образцами поведения ученых. Времена, когда о такой целостности еще можно было красиво грезить (от Ф. Бэкона до А. Пуанкаре, К. Поппера, Т. де Шардена и В.И. Вернадского), по-видимому, уже принадлежат невозвратному прошлому. Мировая наука разобщена прежде всего как система институтов и сообществ. Барьеры между элементами этой системы удерживаются не только внешними по отношению к науке силами, но и самими учеными, преследующими собственные экономические интересы или следующие различным идеологиям, политическим или религиозным убеждениям. Против этого иногда выдвигают возражения, по сути, являющиеся отголосками мечтаний о Большой или Единой науке, оплоте рациональности и поборнице Истины.

Так, ссылаются на все еще популярную, хотя неоднократно раскритикованную, концепцию Р. Мертона, в основе которой – представление о науке как о рациональном предприятии, объединяющем профессионалов-ученых едиными целями, способами деятельности и принципами этоса. Сейчас отношение к этой концепции двойственно: с одной стороны, уже почти всем ясно, что она как «идеальная модель научной деятельности во времена классической науки» [Мирская, 2008, с. 133] к современной науке практически не применима, а ее принципы выглядят «атавизмами», тем не менее, уверенность в их действительности «до сих пор составляет важную часть менталитета людей, искренне преданных науке, прежде всего – как творческому поиску нового знания» [там же, с. 142]. Такая же двойственность свойственна представлениям об идеалах и нормах научного исследования, сочетающих в себе элементы универсальности и относительности [Степин, 2000], об историческом характере научной рациональности [Лекторский, 1999], о роли современной наукометрии в поддержании высокого уровня научных публикаций [Мотрошилова, 2013], и т.д.

Споры о единстве и многообразии в науке часто имеют мифологическую тональность, что вполне объяснимо, учитывая противоречивые запросы современной культуры [Аллахвердян и др., 1998]. Однако для нашей темы они

не столь важны. Примем как факт, что наука неоднородна, что в роли политических субъектов при разных обстоятельствах выступают различные ее подразделения с переменным успехом, который, если и случается, то не может быть объясним «изнутри» самой науки, а зависит (в решающей степени) от соотношения политических сил, к которым научные институты и экспертные центры примыкают, преследуя свои интересы.

И.Т. Касавин полагает условиями политической субъектности «особый независимый интерес, общественное доверие и власть по отношению к некоторому сегменту реальности» [Касавин, 2020, с. 11]. Даже если признать эти условия достаточными, легко видеть, что научные организации и институты существенно различаются по каждому из них. Некоторые из них иногда получают возможность исходить из «особого интереса», если он не противоречит политической власти, которая, как водится, полагает себя выразителем интересов государства и общества. Если не только что противоречие, а даже простое несоответствие все же имеет место, ни о какой «независимости интересов» научные сообщества и институты не могут и мечтать. И это даже в самых «свободных» и «демократических» странах, не говоря о тех, в которых эти понятия имеют весьма приблизительный смысл. Общественное доверие к научным институтам и отдельным ученым – величина переменная. Бывает, оно усиливается благодаря позитивному влиянию науки на жизнь, ощущаемому большинством, а бывает, падает, когда такое влияние ослабевает или подорвано эксцессами (жизнь и судьба А.Д. Сахарова могут служить примером такой изменчивости). О власти научных институтов и сообществ можно говорить в разных смыслах: об их инкорпорации во властные структуры, о их влиянии на власть, о формировании настроений и убеждений людей, о власти над природными и социальными явлениями, достигаемой благодаря деятельности ученых и т.д. Во всех этих смыслах политическая субъектность науки остается под вопросом, поскольку ее наличие или отсутствие зависят от факторов, внешних по отношению к науке.

Поэтому И.Т. Касавин приходит к выводу, что если исходить из «дескрипций» (фактов, событий в пространстве политического), то «наука не достигла статуса реального политического субъекта, хотя и может демонстрировать такое влияние в отдельных случаях» [там же, с. 13]. Но если рассуждать о принципиальной возможности для науки обладать политической субъективностью, что в перспективе означало бы иметь нормой своего существования в обществе политическую активность и стремление к политическим целям, то надо признать, что это привело бы к коренному изменению не только «самосознания науки», но и ее социального и культурного статуса.

Это означает, что философия науки имеет, по сути, два объекта исследования, связанных, но все же различных: науку в ее реальном модусе, т.е. в многообразии частных проявлений в политической жизни общества (фактов, тенденций, эксцессов), и науку в модусе долженствования (в этом модусе политическая субъектность не связывается непременно с ожиданиями «светлого будущего»; миф о науке, бескорыстно служащей человечеству, освещающей путь к царству истины, все менее успешно соперничает с другим мифом о науке, воплощающей в себе «формальную рациональность» (М. Вебер) – науке расчета и выгоды, для которой истина, в согласии с пророчествами

Ф. Ницше, есть орудие власти и подчинения). Во втором модуле политическая субъектность науки имеет, по меньшей мере, два смысла: равноправное участие в принятии политических решений и участие, обозначаемое формулой «наука – служанка политики, услуги которой так или иначе оплачиваются».

Как соотносятся эти модулы в транскрипциях философии науки? Здесь обратимся к идеям М.А. Розова, разработанной им концепции методологического анализа «систем с рефлексией». Как замечает Н.И. Кузнецова, «для гносеологии (эпистемологии и философии науки) такая методология должна была бы стать базовой» [Кузнецова, 2021, с. 151]. Суть в том, что во всяком познавательном процессе сплетены две составляющие: познание объекта и познание процесса познания (рефлексия) [Розов, 1996]. Иногда рефлексивная составляющая может быть, так сказать, имплицитной. Если я измеряю температуру кипящей воды в чайнике на кухонной электроплите, то обычно меня не интересует вопрос об атмосферном давлении. Но он может стать интересным, если опыты с кипячением воды проводить в горах или в глубокой впадине. Процесс познания «микрообъекта» связан с познанием самого этого процесса, и эта связь имеет фундаментальное теоретическое значение (принцип неопределенности В. Гейзенберга).

Эпистемология или социология, история или науковедение, интроспективная психология или политология – примеры «систем», в которых рефлексия максимально эксплицитна. К этому ряду относится и философия науки. Следовательно, вопрос о политической субъектности науки открывает исследовательскую перспективу: наблюдаемые факты участия или неучастия научных институтов в политических процессах говорят не только о себе, но и о процессе их наблюдения. А это значит, что констатация таких фактов существенно зависит от того, что мы понимаем под политическим действием, как и от того, какое из возможных пониманий является для нас приоритетным и желательным. Можно было бы сказать, что, изучая эти факты, мы становимся «соучастниками» политической действительности в том смысле, что наши представления о ней «формируют» ее как философскую проблему. В рамках этой проблемы и следует судить об «иллюзорности» или «реальности» политической субъектности.

Стало общим местом, что факты «теоретически нагружены», и потому гипотезы о жестком эмпирическом базисе научных предложений так и остались позитивистскими грезами. Но этого недостаточно для философии науки как «системы с рефлексией». По-видимому, следовало бы говорить о взаимной нагруженности: фактов – теориями, а теорий – фактами. Работа с «рефлексивными системами», в смысле М.А. Розова, – путь к тому, чтобы эта взаимная «нагруженность» превратилась из банальности в методологический регулятив философии науки.

Список литературы

Аллахвердян и др., 1998 – *Аллахвердян А.Г., Мошкова Г.Ю., Юревич А.В., Ярошевский М.Г.* Психология науки. М.: Флинта, 1998. 312 с.

Касавин, 2020 – *Касавин И.Т.* Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14.

Кузнецова, 2021 – Кузнецова Н.И. Теория социальных эстафет М.А. Розова: пункты понимания // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 146–160.

Мирская, 2008 – Мирская Е.З. Этнос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этнос науки. М.: Academia, 2008. С. 122–143.

Мотрошилова, 2013 – Мотрошилова Н.В. Реальные факторы научно-исследовательского труда и измерения цитирования // Управление большими системами. 2013. № 44. С. 453–475.

Порус, 2009 – Порус В.Н. Философия науки // Современная западная философия. Энциклопедический словарь. М.: Культурная революция, 2009. С. 92–96.

Лекторский, 1999 – Лекторский В.А. (отв. ред.). Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. I. М.: РОССПЭН, 1999. 368 с.

Розов, 1996 – Розов М.А. Рефлектирующие системы, ценности и цели // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М.: РОССПЭН, 1996. С. 188–242.

Степин, 2000 – Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Is the political subjectivity of science deduced from facts?

Vladimir N. Porus

Interregional public organization “Russian Society of History and Philosophy of Science”. Russian Federation, 105062, Moscow, 1/36, bldg. 2 Lyalin pereulok; e-mail: vnporus@hse.ru

Science as a political subject is a theme of philosophy of science. The political activity of scientific structures is poorly realized in the societies which are at the depressive level of political culture when participation of scientists in political life has sporadic and dependent character. But in an obligation mode the philosophy of science considers political subjectivity of science as the very realization of its potential. This consideration provokes the growth of political activity of science. The philosophy of science is “a system with a reflection”, in M.A. Rozov’s sense. The ideas of political reality and potential of political subjects that are formed by philosophy of science have an impact on formation of this reality and realization of the subject potential of science.

Keywords: science, philosophy of science, political subject, political reality, political culture, “system with a reflection”

References

Allaxverdyan, A.G., Moshkova, G.Yu., Yurevich, A.V., Yaroshevskij, M.G. *Psihologiya nauki* [Psychology of Science]. Moscow: Flinta Publ., 1998, 312 pp. (In Russian)

Kasavin, I.T. ‘Nauka kak politicheskij sub’ekt’ [Science as a political subject], *Sociologicheskie issledovaniya*, 2020, no. 7, pp. 3–14. (In Russian)

Kuznecova, N.I. ‘Teoriya social’nyh estafet M.A. Rozova: punktiri ponimaniya’ [The Theory of Social Relay by M.A. Rozov: Pathway for Understanding], *Voprosy filosofii*, 2021, no. 3, pp. 146–160. (In Russian)

Lektorskiy, V.A. (ed.). *Racional’nost’ na pereput’e* [Rationality at a crossroads]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999, 368 pp. (In Russian).

Mirskaya, E.Z. ‘Etos nauki: ideal’nye regulyativy i povsednevnye realii’ [The Ethos of Science: Ideal regulations and everyday realities], in: ‘Etos nauki’ [The Ethos of Science], Moscow: Academia Publ., 2008, pp. 122–143. (In Russian)

Motroshilova, N.V. 'Real'nye faktory nauchno-issledovatel'skogo truda i izmereniya citirovaniya' [Real factors of research work and citation measurement], *Upravlenie bol'shimi sistemami*, 2013, no. 44, pp. 453–475. (In Russian)

Porus, V.N. 'Filosofiya nauki' [The Philosophy of Science], in: *Sovremennaya zapadnaya filosofiya. Enciklopedicheskiy slovar'* [Contemporary Western Philosophy. An Encyclopedia], Moscow: Kul'turnaya revolyuciya Publ., 2009, pp. 92–96. (In Russian)

Rozov, M.A. 'Reflektiruyushhie sistemy, cennosti i celi' [Reflective systems, values, and goals], in: *Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya* [Ideal, utopia and critical reflection], Moscow: ROSSPEN Publ., 1996, pp. 188–242. (In Russian)

Stepin, V.S. *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya evolyuciya* [Theoretical knowledge. Structure, historical evolution]. Moscow: «Progress-Tradiciya» Publ., 2000, 744 pp. (In Russian)